

МИХАИЛ АБРАМОВ/РТ

Русский Телеграф
-1998. Музыка-Бинокль
-с. 8.
для конформиста

Майкл Найман нашел в Москве братьев по вкусу

Успех и признание требуют грубого приема — жесткого решения тонкой проблемы, громкой первой фразы, эффектной неожиданной концовки, общедоступной сложности, вопиющей элегантности, продуманной небрежности, умеренного профессионального цинизма, хитроумия, а не мудрости и безболезненного забвения юношеской мечты. Это знают те, кто в наших широтах и в наше время исключительно своим трудом, умом и способностями достиг того уровня достатка, что позволяет запросто отдать за визит на концерт долларов этак 30—50, иметь подержанную заморскую машину, нравящуюся одежде, пользоваться сотовым телефоном по потребности и отдыхать с комфортом и по желанию.

Виртуоз наивного газетного очерка, плюющийся на свое высшее изысканное театроведческое; художник рекламного плаката, бывший убежденный буддист; архитектор банковских зданий, оставивший прежние антибуржуазные опыты; биржевой маклер, физик со степенью, когда-то уверенный в своем грядущем нобелевском лауреатстве; референтша очень большого начальника, выбросившая юношеские переводы шекспировских сонетов во время долгожданного своремонта; пресс-атташе, легко забывший в себе дипломированного философа. Таковы преданные ценители Майкла Наймана. Многие из них пришли на его концерт, зная, что ничего нового там не услышат — все исполняемое давно заучено по дискам. Пришли, чтобы повидаться.

Встреча прошла на ура. Композитор, манкирующий (но и щеголяющий) своим интеллектуальным прошлым, изменяющий академической карьере ради популярности (осуществляется свободный выбор, а не жертвоприношение), дал им то, чего от него ждали — вульгарную, сильную, энергичную, модную музыку, не оставляющую при этом сомнений, что автор ее умен, образован, культурен и способен был бы на большее, если бы для успеха большее требовалось. Если бы за большее хорошо платили. Музыку, похожую на жизнь его московских поклонников — в общем-то однообразно монотонную, но берущуюся усилием в каждом своем повторяющемся периоде, яркую, но и вымороченную, обрывающуюся внезапно, но не трагически, не утомительную для слушателя, но не дающую расслабиться исполнителям. Темы этой музыки нетрудно воспроизвести, но не за утренним бритьем и не в нетрезвом дуэте. Музыку понятную многим, но не всякому глупцу. Возможно, она слишком буржуазна для западного интеллектуала, но есть ли у нас реальная социальная возможность быть цивилизованным левым радикалом?

Так, как Найман, работают многие кумиры наших новых яппи (которые сами, как правило, не вполне профессионалы хотя бы потому, что профессий, которыми они занимаются, еще лет десять назад у нас просто не существовало), — тиражируя и совершенствуя однажды обретенный прием, не прорываясь к вершинам духа или профессии, но сохраняя чувство собственного достоинства, трезвого знания, чего стоит успех, сколько за него заплачено и сколько взамен получено. Музыкой толстых когда-то окрестили джаз. Для сытых, одетых, образованных и прагматичных пишет Найман свою киномузыку. Его популярности в Москве социолог может только радоваться.

ОЛЬГА КАБАНОВА